

По сравнению с беготнёй туда-сюда с огромной корзиной кукурузы на спине, работа во второй половине дня оказалась куда легче. Даже у них, двоих новичков, никогда не занимавшихся сельскохозяйственными работами, под ногами довольно быстро образовалась небольшая кучка кукурузных зёрен. Единственное, что, возможно, было не очень удобно, — это жёсткие табуретки, на которых они сидели, но это было терпимо.

— Тётушка Тан, у вас дома много животных? — спросил И Тяньшу, продолжая счищать зёрна.

— Раньше держали много, а в этом году только пять кур и три старые утки.

— Значит, эти кукурузные зёрна — их корм? — Он бросил кочерыжку в корзину, снова наклонился, поднял новый початок и продолжил тереть его о подошву резиновой галоши.

— Да разве они столько съедят? Другое дело, если бы я свинью кормила.

Тётушка Тан, добродушно посмеиваясь, продолжила:

— Когда кукуруза высохнет, приедут скупщики — по одному юаню за цзинь. Раньше все зарабатывали как раз продажей кукурузы и риса. А в последние годы тех, кто кормится этим, стало меньше — у молодых много других способов заработка. Да и мы, старшее поколение, уже не можем работать, как раньше. В следующем году я посею ровно столько, чтобы хватило скотине на прокорм.

П.п. Цзинь — 500 грамм.

— Один юань за цзинь?

Су Цзянь был шокирован.

Это означало, что вся кукуруза, которую они сегодня с таким трудом перетаскали, прикладывая огромные усилия, — все эти зёрна, которые они снимут с початков и посушат, а ещё всё то время и силы, что тётушка Тан и её муж потратили на посев и полив, — в итоге не стоит даже тысячи юаней.

Затраты труда и прибыль были слишком уж несоразмерны.

— Да, в наши дни зерновые всё больше обесцениваются. Десять лет назад лапша продавалась по три юаня за порцию, а зерно стоило один юань за цзинь. А теперь порция лапши выросла в цене до шести-семи юаней, а зерно всё так же — один юань за цзинь. — В улыбке тётушки Тан сквозило бессилие.

Какое-то время они оба не находили, что сказать. В основном из-за того, что их собственные

семьи жили вполне обеспеченно, а они занимались такой высокооплачиваемой профессией, как актёрство. Они действительно мало знали о жизни крестьян, но и представить не могли, что их положение настолько тяжёлое.

— А в таких случаях правительство предоставляет какие-нибудь субсидии? — спросил И Тяньшу.

— Предоставляет, каждый месяц выходит больше ста юаней, — договорив до этого момента, тётушка Тан снова расцвела в улыбке. — Сейчас политика хорошая: не только не требуют, чтобы мы отдавали деньги, так ещё и сами нам приплачивают. В те времена, когда мы были молоды, никто о таком и не мечтал. Всё-таки общество развивается в правильную сторону.

Неизвестно, из-за слов тётушки Тан или по какой-то иной причине, но после этого они оба больше не проронили ни слова. Низко опустив головы, они всецело сосредоточились на лущении кукурузных зёрен. Их движения становились всё более умелыми, а результаты — весьма ощутимыми.

Когда они благополучно облущили всю кукурузу и отправились в обратный путь, на улице уже стемнело.

Перед их уходом тётушка Тан вынесла из кухни полный налитых зёрен золотистый кукурузный початок и с улыбкой произнесла:

— Сегодня сяо Су и сяо И были необычайно старательны и перевыполнили задание. Тётушка выбрала для вас самый большой.

Су Цзянь принял его обеими руками. Початок и впрямь оказался большим и на вид безупречным — таким, что смело можно использовать для съёмок в рекламе. И Тяньшу тоже взял его, взвесил в руке и почувствовал, что он на самом деле весьма увесистый.

Попрощавшись с тётушкой Тан, они вдвоём, освещая путь фонариками на телефонах, зашагали вниз по каменным ступеням.

Летняя ночь была одновременно тихой и шумной: у обочины дороги без умолку стрекотали какие-то неизвестные насекомые, словно насвистывая мелодию, и эти звуки сливались с похожим на барабанный бой кваканьем жаб. Всё это, по правде говоря, и впрямь навевало атмосферу пасторальных стихов в прозе.

На обратном пути Су Цзянь заметил, что И Тяньшу то и дело оглядывается назад, и тоже посмотрел туда.

Наверху, в десятках метров над ними, на ступенях всё ещё неподвижно стояла слегка сгорбленная фигура.

Было не разглядеть её лица, и даже силуэт, казалось, растворился в темноте. Лишь фонарик в её руке всё ещё сверкал, словно упавшая на землю звезда, которая необычайно ярко сияла в безмолвной ночи.

<http://bllate.org/book/13820/1737932>